

Кто в мешке?

1

В июльский полдень 99-го, при въезде в лесистый пригород, на остановке вышли молодой парень и тонконогая девушка. Автобус поворачивал в Нижнюю зону, а им — пересадка в Верхнюю.

Они не спешили. Освежающий душу лес подступал к дороге и манил к отдыху.

С удалением от людной трассы молодые люди оставили степенность и чопорность, и обрели стиль, в котором давно уже урывками общались друг с другом, но не успели до конца испытать его прелесть.

Они резвились и играли, на бегу ловили друг друга и заключали в объятия, перемежали догонялки вольной борьбой. Девушка весело проверяла силу дружеских рук, и друг в восторге поднимал её на руки, опьянённый молочным теплом девичьего тела.

Девушка увлечённо оборонялась и атаковала, соревнуясь в инициативе и раскованности. В моменты, когда она в азарте борьбы с парнем упруго сплющивала о его грудь свою, он скачущим сердцем осязал, как выразительно выступили и напряглись её соски.

Пресытаясь борьбой и бегом, парень и девушка медленно шли, не размыкая взаимно желанных объятий.

В редколесье, на месте сожженных вандалами трав и подлеска, пространство беззащитно просматривалось меж оголённых снизу сосновых стволов. Но путников влекло туда, где пышные папоротниковые полянки прячутся в густом, молодом березнике.

Они остановились в высокой траве среди ветвистых акаций, вслушались в тихий щебет и шорохи леса. В вышине беззвучно клубились кучевые облака, жадно впитывая восходящие потоки энергии.

Земля и небо замерли в напряжённой истоме рвущихся друг к другу начал.

2

В это время до обострённого слуха лесных гуляк донёсся тихий, но разрывающий душу нечеловеческий стон.

Скоро стало ясно, что планы райского отдыха пошли прахом. Люди двинулись на голос, и увидели брошенный в кустах мешок.

Парень нехотя развязал его, и брезгливо вызволил кошку с торчащими рёбрами и грязной, спутанной шерстью.

Первым желанием было считать свой долг выполненным, и уйти подальше от неприятного места. Пусть, мол, кошка живёт охотой или ищет дорогу к людям.

Но увидев состояние кошки, даже беспечные повесы догадались, что она недалеко уползёт.

Девушка слышала, что появился в Городке приют для брошенных.

И парень был в ситуации, когда всякий хочет выглядеть лучше, чем есть.

Долго или коротко, молодые люди с едва живой кошкой достигли края Городка, и встали у ограды перед одноэтажным строением. На дружный собачий лай дверь открыл рослый мужик.

— Кошек не берём. Собак девать некуда — отрезал Юрий, увидев ношу пришельцев.

— И нам некуда.

— Девайте, куда хотите. Я тут только рабочий. Но и хозяйка её не возьмут.

— Тогда мы оставим кошку за первым углом. Скажите спасибо, что тащили её из леса.

Юрий поколебался:

— Есть у нас один волонтер... Вон, в дальнем вольере дед сутулый дерьмо убирает... Женька, иди сюда!

Худой, затравленного вида старик, торопливо обтирая травой тонкие, астенические пальцы, подошёл к говорящим.

Вопрос был понятен без слов. Старик ничем не выдал досады по поводу новой заботы не потому, что не чувствовал её тяжести, а потому, что она слилась с привычной тяжестью доставшейся ему жизни.

Увидев, что нашлось, на кого спихнуть кошку, приятная пара улетела навсегда за горизонт событий, а сутулый дед впрягся в новое ярмо.

Кошка была так истощена, что не сразу реагировала на еду. Но когда, после осторожных попыток влить ей в рот воду из ложки, начала жадно лакать, Сутулый облегченно вздохнул.

Как раз в такой степени истощения находилась его мать, когда он родился в 42-м году в тогдашнем Сталинске. Она работала на военном заводе в режиме трудового фронта. С голодом и переутомлением пришли болезни. «Туберкулёз костей, желез и кожи» — значился диагноз, когда мать, наконец, смогла побывать у врача.

Матери в каменном мешке военного города было всё-таки легче, чем брошенной кошке. Хуже довелось отцу.

Его подразделение разбомбили до единого целого человека в первые месяцы войны. Фронт откатился на восток, немцы подбирали с земли полуживых, и грузили для отправки в лагерь. У отца был выбит глаз, искалечена правая рука, другие увечья. В таком состоянии он выживал три года. Возможно, нацисты только потому не добились его сразу, что он не был кудрявым и чёрным, а имел прямые светлые волосы, и оставшийся глаз тоже «арийского» цвета.

Лишь в начале 45-го товарищи привалили его к наружной стене барака, чтобы и он успел увидеть, как в лагерь входят войска победителей.

Всё это мать узнала только после войны. До этого на все её запросы приходил ответ: «пропал без вести».

Тяжелейшее состояние матери до и после рождения сына, суррогат вместо материнского молока, отсутствие белков и витаминов наградили его замедленным развитием и пожизненно гнилым здоровьем.

Как-то, года в три — четыре, он попытался побеседовать с незнакомой сверстницей, но запнулся на втором слове.

- Дурак! - презрительно определила девочка. Этот вердикт он помнил всю жизнь, и много раз убеждался в его справедливости.

3

Страдалицу предстояло нести домой, где уже обитали двадцать кошек с нелёгким поведением и две побитые жизнью собаки. Все они появились там при разных, но столь же неодолимых обстоятельствах.

Сутулому хватало хлопот и без общественного приюта. Никто, кроме единичных случаев, не помогал ему дома кормить, лечить и возить на не дешёвую кастрацию бывших изгоев. И по характеру старик абсолютно не общительный. Но его заметила пассионарная личность Людмила, когда он, похожий на бомжа, лазил по подвалам, пустырям и колодцам теплотрассы, выручая из беды и голода бездомных кошек и собак.

Людмила и её муж Элогим убедили Сутулого, что сообща легче решать проблемы брошенных. А в память и душу нелюдимого неудачника слишком остро врезались бесчисленные эпизоды, когда он отчаянно хотел, и ничем не мог помочь куда более несчастным, чем он, бессловесным тварям...

...И вид у щенка понурый, и движения подсказывают: не погулять пустили питомца. И не ждет его уютный дом после долгой прогулки.

Сутулый погладил щенка, покормил из пакетика, что с какого-то момента жизни всегда брал с собой для таких встреч. Думал: получит зверёк передышку от голода, в следующий раз еще откуда-нибудь перепадет.

А щенок так обрадовался людскому участию, что ушли сомнения: давно не ласкали его добрые руки. Сутулый ещё подумал. Веревочку отвязал, что была на щенячьей шее. Пусть хоть она не цепляется за кусты, не мешает щенку свою долю искать. А сам поспешил дальше. Он и на пенсии не был тогда.

Но щенок пошёл за человеком. И отставать никакими судьбами не хочет.

Взять его к себе — никакой возможности. Квартира давно переполнена. Позволить ему дойти до подъезда — он и останется там. И у соседей ещё один повод появится для травли зверолюбивого жильца.

А в глазах у щенка такие любовь и доверие, что сердце сжалось у человека. Такой контраст с людскими встречами, где столько изначального холода, гордыни, подозрения и коварства!

Сутулый махал на щенка руками, топал ногой, резкими выкриками гнал его. А тот приотстанет с недоуменным видом: чем он мог так провиниться? И снова плетётся за странным другом. Всем нутром понимала скотина, всем тысячелетним знанием человека чувствовала, что не враг перед ней, что жалеет её по-настоящему, хоть и ужасно дёргается по непонятной собачьему уму причине. А человек стал комья земли бросать, лишь бы разбивались они перед щенком. И палкой хлестал по земле, только бы щенка не задеть. И кричал таким злым голосом, что сам себе верил: никакой он не друг щенку.

Тогда всё перевернулось в щенячьем мозгу. И трагической безысходностью перекрылись потрясающе выразительные глаза. Отстал щенок. И Сутулый поплелся прочь, как побитая собака. Пошёл, сжимаясь от стыда, проклиная свою нищету и ничтожество.

А встречались ему и такие, кто ни умеет ни просить, ни искать, ни бороться. ...В другом районе, безнадежно далеко от дома Сутулого, лежит в снегу большой белый щенок. Так давно он тут, что в яме из растопленного им снега почти скрылся. А теперь и позу изменить — проблема. Пока свернут калачиком — ещё терпимо. А раскроется, встанет — сразу пронзит его звериный холод. По беспородью своему щенок, видно, из крупных. Такого и в автобусе увезти, и прокормить непросто. А взгляд абсолютно детский, беспомощный. Послушно ждёт, когда, наконец, хозяин вернет его домой из чужого и страшного места. Невдомек щенку, что предал и никогда не придёт за ним тот единственный, кого он знал, в кого верил, как в Бога. Всё смотрит глупый и верный щенок с мольбой и надеждой на идущих то ближе, то дальше людей. А люди идут и идут мимо. Чужие как волки. Равнодушные как смерть...

Два года постройки приюта были временем невероятных надежд.

Но в горестный день 22 июня, правда, 99 года, его основатели и первые спонсоры, Людмила и Элогим уехали в

далёкую, для кого — одиозную, для кого — обетованную страну. Там жила и нуждалась в сыновней заботе тяжело больная мать Элогима. Туда раньше него, россиянина, уехали из Средней Азии все его родные, спасаясь от нациствующих банд.

С теми, кто командовал приютом позже, отношения не сложились. В первое время после отъезда зачинателей Сутулый ещё продолжал там трудиться над общей мечтой. Но кошачье отделение так и осталось в мечтах. И когда в собачий приют подбросили кошку, Сутулому оставалось нести её домой.

До остановки долгий пеший путь, и надо спешить: сгущалась дождевая туча. Когда старик обёртывал кошку лёгкой курткой и выходил за порог, страдалница забеспокоилась. Возможно, упаковка напоминала ей мешок, или новое удаление от какого ни есть дома страшило её. — Не брошу тебя никогда! — шептал старик, стараясь самой нежной лаской возместить былые кошачьи муки и людскую подлость.

Когда он входил в автобус, уже падали первые капли дождя.

Гул транспорта испугал кошку. Она стала кричать, развеселив приклатнённых парней:

— Эй, кошкодёр, куда кошку повёз?

Старик сунул руку под обёртку, успокаивая кошку.

Кондукторша с холодными, пустыми глазами, учуяв запах кошки и стариковского пота, потребовала: — Выходи!

Сутулый с облегчением покинул враждебный автобус, и пошёл пешком. Дождь превратился в ливень. Дырявая обувь быстро наполнилась водой. Закрывая собой кошку от прямых потоков воды, Сутулый ещё более наклонился вперед.

Чтобы лёгким казался путь, старик привычно мечтал. Мечтал о законе, который не бумажным пунктиком, а шкурным последствием помешал бы так беззаботно плодить и разбрасывать лишних котят и щенят. Но помнил мечтатель, какой безнадегой оборачивались попытки донести, казалось, ясные и детально продуманные мысли о таком законе до тех, кто не круглый ноль в глазах законодателей. И чувствовал себя глубоко чужим среди далёкого от звериных бед счастливого большинства.

4

Дорога жизни таких как он. Вдоль стены, под кровом вечерней темени, втянув голову в плечи, по воровски крадётся угрюмый человек. Он идёт на

преступление, за которое стражи порядка хватали его чаще, чем отпетого рецидивиста.

Он наклоняется к отмошкам, проверяет, сохранилась ли аккуратно укрытая от враждебного взгляда и от мороза дырка в забитой подвальной отдушине, не остались ли на её подоконничке преступные следы кормления, и кладёт еду пугливо ждущим внутри бездомным кошкам.

Когда запоры были символическими, Сутулый без больших проблем спускался в вынужденный кошачий дом. Снаружи враги. Не задержаться для ласки или спокойной поимки. Лишь после долгого общения внутри можно приручить дикарей, свозить в ветбольницу.

Приходилось посещать и чужие подвалы. Не в каждом доме, хоть в нём за сотню жильцов, найдётся один, кому скребли бы сердце брошенные кошки. А бросить могут у любого дома, равно как там, где ни домов, ни жизни.

Потом усилили подвальные замки и заварили оконца. Мишенью участкового и домовых боевиков стал не только лезущий в чужой подвал с зоозащитным уставом, но и расковырявший снаружи забитую отдушину.

Кошачьи кормильцы затравлены и нелюдимы. Но Надежда Николаевна из Верхней зоны одно время делилась с Сутулым общими бедами.

Она годами кормила в своей округе кошек через тогда ещё открытые дырки. В один из подвалов смогла попасть, благодаря аварии. В те годы часто прорывало канализацию, и подвал заливали нечистоты. Их не спешили убирать. Не было лишних рабочих, или насос ломался, забиваясь мусором.

Иногда подвальную дверь оставляли открытой, то ли проветривая, то ли понимая, что враг не пойдёт через поганые лужи. А кошачьей спасательнице это не проблема, а решение. Надела резиновые сапоги и пошла.

В почти не посещаемом людьми техническом коридоре она увидела ад, в сравнении с которым меркли описания Данте. Увидела тех, кто не мог подняться до отдушины, потому что был предельно истощен, тяжело болен или кем-то искалечен. Она осторожно приближалась к ним, но они в страхе уходили и уползали от неё, срывались с трубы, и падали в нечистоты, ползли по ним в недоступные щели.

Они не знали её. А от редких посетителей подземелья видели только зло.

Зло небрежней и ленивей добра. Даже подлую задачу поубивать кошек подручными предметами, или выгнать на морозную улицу, исполнитель не довёл до конца. Попал камнем так, что кошка не жалец, и успокоился. И кошка с перебитым позвоночником в нестерпимо мучительной агонии не дожждётся конца, потому что нет у животного, в отличие от человека, путей избавиться от суицидальной боли.

Надя понимала нереальность всех спасти и пристроить не только из-за их состояния, но и из-за нескончаемости их потока. Обречённые на короткую, мучительную жизнь котят

рождались и от бывших домашних, и от случайно выживших дикарок.

Их редкие спасатели часто ограничиваются уличным кормлением ввиду невозможности попасть в подвал. Поэтому, задерживая голодную смерть, они не всегда могли сдержать пагубное в конце концов размножение.

Надя изыскивала такую возможность. Но котята появлялись раньше, чем удавалось найти, взять и свозить на кастрацию их мать. Когда котята ещё не открыли глаза, и не научились бояться, их бывало легче взять, чем дикарку мать.

Жалко и беспомощных котят, едва перешедших грань между небытием и какой ни есть, ещё слепой жизнью. Но особо жалко тех, кто успел увидеть ласковую мать, полюбил хозяев, ощутил добро и зло, был предан, брошен в чужой и страшный мир, случайно встретил там человека-друга, проникся к нему доверием, и сделал невозможным снова его предать.

Кто видит необъятность зла, недостижимость идеала и неприемлемость самоустранения, вынужден выбирать меньшее из зол.

Надежда Николаевна понимала: чтобы хватило сил и ресурсов спасти познавших жажду жизни выросших зверей, надо останавливать едва начавшиеся, почти не осознанные жизни новорождённых зверьков.

Она обращалась за эвтаназией к ветеринарам. Иные отказывались: не их профиль. Другие приспособились: восемьсот рублей за котёнка, будь он размером с мышь. А котят в одном выводке, например, пять. Щенков и восемь бывает. И не в одних подвалах брошенные.

Не могли и Сутулого обойти эти проблемы. Однажды осенью ему позвонила старая огородница из дальних садов. Там всё как везде. С весны горожане на временное жильё завозят и кошек. Собаки, бывает, и ничьи издалека приходят за остатками чьих-то трапез. Осенью в садовых дебрях и окраинах появляются щенки и котята.

Здоровые телом и духом люди уезжают с урожаем. Котята и щенки — не огурцы с помидорами. Нет им места ни в садовой сумке, ни дома.

Немолодая, не слишком здоровая огородница видела брошенную собаку, но не смогла её приручить. Позже узнала, что где-то в ближних закоулках родились щенки. Искать и увозить их никто не думал. А зимой там никто не живёт, снег по пояс, и до города пять километров.

Женщина не питала иллюзий. Всё понимал и её муж, биохимик. Он согласился обеспечить щенкам наркоз, какой в прошлом использовали хирурги. Но не мог загруженный своей работой ученый вести долгие поиски далёкой собачьей норы.

Чета попросила Сутулого найти и привезти щенков. Он погрузился в поиск. Но сама заказчица невольно сорвала план, поведав его соседям.

Никто из них не захотел взять щенков себе, будь они найдены, или пытаться пристроить дальше. Зато бездушные оказались агрессивными. Люди, не взявшие в свой чистый дом

ни одной бездомной животины, с благородным гневом прогнали того, кто переполнил ими своё жильё, и только после этого хотел усыпить новых щенков.

С той же позицией сталкивалась и Надежда Николаевна. Люди, с кем она обсуждала проблему брошенных, отвергали не только усыпление родившихся, но и аборт с кастрацией беременных. Это, мол, всё равно убийство.

Старая собеседница, всю жизнь содержащая кошек в вольном выгуле, на вопрос, как она ухитряется пристраивать всех котят, простодушно отвечала:

- Уношу в лес и выпускаю.
- Впереди зима... Да хоть бы и лето...
- Сколько-то поживут...

Что одним — дикость, другим — святость.

Спецслужба по ликвидации лишних животных обращалась с ними так, что народ прозвал её живодёрней. Пытаться её контролировать частным лицам, вроде Надежды Николаевны или Сутулого, бесполезно.

Может, власть послушает приютскую организацию? Надежда делилась мыслями с одним из зачинателей. Но в едва родившемся приюте уже почти не осталось его первых подвижников. Накануне оттуда ушёл реально мыслящий зоозащитник и прекрасный организатор Пётр Л. Не стал разбираться с сожравшей его шайкой интриганок и мошенниц. Да и у самого Петра времени в обрез. В тот год заканчивал второе высшее образование, и искал достойную работу.

Надя побывала у главы района. Просила защитить первых приютчиков.

Начальство поступило по-своему. Приют отдали совсем не тем, за кого хлопотала Надежда. Отдали сначала шайке мошенниц, потом новым претендентам. Но те, заполнив приют отказниками, предлагали лишних после кастрации выпроваживать на улицу.

Большинству плевать. Одиноким чудачкам, с атавизмом жалости, остаётся брать самых бедствующих к себе домой, рискуя в конце концов отнятием жилья за антисанитарию.

У Сутулого, с подачи милиции, пытались и жильё отнять, и самого сгноить в психушке. Банду «черных риэлторов» крышевал начальник РУВД.

Операция сорвалась случайно. О банде, на счету которой не до конца раскрытые убийства, знали в ГУВД, и за ней следили.

Уладили всё по традиции. Бандиты — исполнители отделались мелкими взятками. Выиграли следователи, не тронувшие «крышу», и дружный судейский коллектив.

5

В какой-то момент кошачьи спасатели могли, казалось, добиться большего, чем выручить кошек одного подвала, потому что в эпизоде оказались задействованы журналистка и лояльный зоозащитникам депутат.

О тревожном положении Сутулуй узнал от Галины Петровны, она кормила по той улице. А ей о беде сказала престарелая Нина Платоновна, кормилица и жительница самого дома. Подвал решено забить, никаких дырок не будет. Там брошенные.

Старшая по дому - слоноподобная баба средних лет и не средних амбиций, участница местного конкурса на лучший дом. В ублюдочные критерии «лучшего» забота о кошках не входит.

Пока ещё большие подвальные окна были небрежно прикрыты досками, и Сутулуй залез внутрь. Не в одно посещение, но узнал, кто там и сколько. Кроме основной полости, кошки прятались в глубоких дырах вдоль труб, уходящих в землю.

Кладовок под домом нет. Никто и не знал, кроме кормилицы, что там кошки, поскольку не мешали они никому. Ключ только у старшей. Напрасно кошачьи опекунши просили позволить хотя бы переправить кошек в другое место. Максимум, на что соглашалась: «Даю вам час; забирайте, и чтоб вас больше тут не было!».

Когда-то, в истории с забиванием другого пристанища, Сутулому пришлось много месяцев ездить в тот район, прежде чем удалось извлечь последнего дикаря. Но там были кладовки у жильцов, и одна из жительниц помогла добыть ключ.

Здесь же объяснения спасателей, что надо много дней ставить и проверять ловушку, старшая по дому сочла блажью: «Не надо кормить — тогда и не будет никаких кошек!».

В доме жила бывшая сотрудница райадминистрации Людмила Афанасьевна. Веря в светлую роль СМИ, она пригласила местную журналистку Татьяну. Раньше та откликалась на ситуацию с уникальным подвальным приютом. Правда, скорее не на стороне защитников. «У каждого своя правда» - уклончиво говорила она.

Журналистка приехала. Но старшая по дому с двумя приятельницами провели с ней сепаратную беседу, где поведали, что дурные бабки только разводят кошек, а ловить и не думают. Переговоры зашли в тупик.

Тогда люди вспомнили о депутате горсовета Алексее М., лучшем, кого они знали. Он, как и раньше, откликнулся. Трижды приезжал на место, с трудом уговорил старшую дать спасателям хотя бы дня три, спустился с ними в подвал.

Времени дали мало. Хотелось использовать не одну ловушку. Одну могли поставить в неудачном месте. Кроме той, что смастерил Сутулуй, в районе тогда была ещё одна, сделанная Мариной П., энергичной и отзывчивой женщиной с ясным умом и умелыми руками. Но её ловушка оказалась занята в походе, хоть и не столь срочном деле. Где — знала другая, благодарно памятная приютским основателям пассионарная личность. Она с особой любовью ласкала и лечила ничьих собак, ночевала с тяжелобольными, следя за

капельницей, придирчиво искала здоровым новых владельцев, самоотверженно выцарапывала обратно бедолаг, оплошно отданных в недобрые руки, героическая и нежная Инна Р.

Прямо из подвала ей позвонил сам депутат. Представился. Но Инна уже узнала его по голосу. Весело воскликнула: «Конечно! Народ знает своих героев!».

Инна сразу позвонила пользователям ловушки. А привёз её муж Татьяны, журналистки. Такую представительную компанию задействовали, чтобы бить челом перед Старшей, попасть в подвал за кошками.

Ключ начальница дома держала при себе. Открывала. Люди заходили, настраивали и проверяли ловушки. Звонили об уходе.

В первый день в обеих ловушках оказалось по котёнку. Подходя к ним, Сутулый увидел, что кто-то третий метнулся к стене и скрылся в узком туннеле вдоль подземной трубы.

Попавшихся взяла в свой эфемерный домашний приют Галина Петровна.

В следующий день обе ловушки остались пусты.

Старшая, бегло осмотрев подвал, сказала: «Нет тут больше никого». На слова Сутулого о котёнке в норе спросила: «А кто ещё видел котёнка? Никто?»

Шедшие позади действительно не успели его заметить.

- Нечего мне мозги пудрить. Дыру в стене я велю зацементировать.

Правда, оставить ловушки ещё на сутки старшая разрешила.

Предвидя недоброе, Сутулый в следующий день захватил с собой зубило, молоток, муку и кусок материи.

Когда в подвал зашли он, Галина, Тамара Ивановна - приютчица и Алексей, в ловушках опять никого не было. Причина, по которой котёнок не появился, была ожидаема и страшна. Рабочий уже заделал вход в нору кирпичом и цементом.

Алексей по просьбе спасателей звонил старшей. Но она в тот день куда-то уехала без телефона, ключ оставила подруге, та пустила людей, но что-либо решать не хотела.

Галина ужасалась: «Успели замуровать!». Тамара Ивановна решительно обратилась к Сутулому: «Петрович, выламывай кирпичи!»

Алексей заметил: «Вообще-то это считается самоуправством».

Сутулый растерянно остановился: «Нет консенсуса».

Видя едва сдерживаемое кипение народа, депутат продолжил: «Но я ведь здесь не охранник, а по профессии адвокат. Решайте сами!».

Старик, навёрстывая минутную задержку, энергично и аккуратно выломал оконце в две трети кирпича, собрал мусор, постелил кусок материи, рассыпал на ней ровный слой муки. Может, котёнок покажет своё присутствие следами, даже если не зайдёт в ловушку.

Но на завтра котёнок уже был в ней.

Старшая, увидев собственную неправоту, не признала ни тени вины, только снисходительно разрешила продолжить проверку еще на денёк.

Сутулый снова насыпал муку на подстилки. Но больше ни кошек, ни следов там не увидели.

Так выручали кошек одного-единственного подвала. Гора коллективных усилий родила мышь полезного результата. Сколько ещё, по воле таких же слон-баб и ещё более сволочных мужиков, замуровывают кошек, и они живыми скелетами мечтают о капле воды или смерти!

Алексей лишился депутатства на следующих выборах. Его обошёл более раскрученный и лояльный власти кандидат, в сочувствии к животным не замеченный. У кошачьих спасателей осталась горечь вины перед Алексеем. Наверно и они могли, если бы не оказались тюленями, поместить на правах рекламы добрые слова о нём в местной газете.

В том же доме не только закрытый подвал, но и всё общее пространство — враждебная наивной жизни среда, где нельзя ни защитить, ни просто узнать правду.

У Нины Платоновны не было столько кошек, чтобы мешать соседям. Но стоило оплошно выйти из квартиры одной из её любимиц, как она исчезла навсегда. Её искала и сама хозяйка, и Галина Петровна, и Сутулый. Искали и вокруг дома, и по всей улице. Кто украл и бросил, в «душе» смеётся над лохами.

А когда в одном из соседних домов при таких же обстоятельствах пропала кошка у старой Валентины, гадина, укравшая её у хозяйки, сама с садистским удовольствием похвалилась ей о сделанном. Гадина - её соседка по дому, наглая, циничная, здоровая и благополучная, не в пример своей жертве.

Валентина униженно просила её сказать, где она бросила кошку. Сначала та баба направила Валентину в один конец Городка, через несколько дней издевательски послала в другой.

Она знала: на её стороне вся непобедимая подлость этого мира. А на стороне жалостливой кошатницы — раздавленные единицы, отщепенцы с клеймом юродивых.

6

С каждым годом старику тяжелее даются шаги. Наполовину ослеп после перенесённого на ногах гриппа, когда в мороз и ветер шёл кормить брошенных кошек.

Через семь лет после того как он оставил общественный приют, едва справляясь со своим домашнем ковчегом, он услышал, что переполненный приют сожгли вместе с закрытыми в нём собаками.

В доме было четыре выхода на разные стороны. И был сторож. Но он не открыл вольеры, и не сразу догадался позвонить пожарным. И те лишь позаботились, чтобы огонь не ушёл дальше приюта.

В год, когда Людмила в далёкой стране узнала, какой смертью погибли приютские собаки, она умерла от передозировки антидепрессанта.

Приют вскоре отстроили в том же месте и тех же границах. Спонсором выступил куда более состоятельный, чем Элогим, предприниматель Б.

Сутулый никогда не посещал отстроенный и вновь переполненный дом. Изредка бывая поблизости, чувствует себя, как собака на могиле любимого хозяина.

Глубину презрения Человека разумного ко всем, кто не дотянул до него на эволюционной лестнице, Сутулый ощутил по прочитанным откликам на другой пожар, случившийся много позже в кемеровском ТРЦ. Там, кроме десятков взрослых и детей, сгорели 200 четвероногих и четвероруких мучеников контактного зоопарка.

Последних поминали в основном политические противники для обмена словесными уколами. Когда противники из бывшей братской республики, кто искренне, кто нет, пожалели бессловесных мучеников, российский публицист обобщил:

«Люди скорбят о людях, животные — о животных».

Циники, кому забота о зверье представляется лёгким хобби, по-своему объясняют неблагодарное подвижничество таких, как Сутулый. Не добились, мол, успеха в нормальной человеческой жизни — вот и нашли оставшуюся им утеху.

Только сами подвижники знают, какая каторга их «утеха». И будь они завалены всеми благами жизни, будь они её властителями, они бы с той же болью за всех, кому больно, делали для них всё, что могли. Эти люди генетически способны чувствовать острее своих высокомерных собратьев по роду людскому. Поэтому они понимают мохнатых «аутсайдеров эволюции», которые наивны как малые дети, но острее двуногих снобов чувствуют боль, горе, страх, тоску, отчаяние, любовь и дружеское участие.

Это понимание не зависит от того, что между ним и доминирующим менталитетом людского сообщества стоит глухая и беспощадная стена.

Слишком чувствительных мало. Их отбрасывает естественный отбор. Им слишком тяжело за всех, кому ещё тяжелее - «вечных детей», которых выросшие человеческие дети бросили как надоевшую игрушку.

По закону многообразия, мир не остаётся без добрых людей. Где-то пробиваются зелёные ростки. Где-то объединяются, но и между собой не ладят.

Одни реально видят, что усыпление безнадежно лишних животных бывает меньшим из зол.

Для других главное: «не убий!». А так как усыпление — тоже убийство, они против усыпления, им не важен способ забоя. Им всё едино, к удовольствию казённых ловцов. Тем тоже не нужны ни наркоз, ни контроль.

У «реалистов» свои крайности. Они — за удаление всех животных с улицы даже там, где есть временные пристанища, где не успевших обрести лучший дом кто-то добросовестно опекает.

Власти порой играют в поддавки. Уступают провальным предложениям зелёных, чтобы доказать их провальность. В большом городе попробовали никого не усыплять, только кастрировать. А когда перестали справляться с новыми изгоями, стали ещё свирепее отстреливать собак, и заваривать подвалы с кошками.

«Реальные защитники» сами призывали очистить улицы и закрыть подвалы. А традиционные по-прежнему готовы выставлять всех, не влезших в приют кастратов на улицу, едва ли чувствуя, какой бывает «естественная» смерть.

Гонимые единицы по-настоящему чувствующих людей, с их надеждами и мыслями о гуманном мире, устало мечутся в завязанном хозяевами жизни мешке, как та кошка, брошенная в дальних кустах людской сволочью.

Обращаясь к чувствам, хотелось побудить к мыслям:

Какой закон помешал бы бросать животных? Пост под этим названием - на Форуме НГС, Помощь животным, раздел «Общая информация и методы решения проблемы БЖ», стр. 3, от 11.12.16; 22.53.

Логичная критика была бы так же интересна, как и уточняющее согласие.